

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

УДК 340.12

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ОДНА ИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В XX И XXI ВВ.: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ Л.Н. ГУМИЛЕВА И В.В. КОЖИНОВА¹

Е.А. Куликов

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: kulikoveg@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-04

Нестабильность обстановки на евразийском пространстве, возобновившиеся конфликты в Закавказье, политические события в Белоруссии и отдельных городах России, с одной стороны, и продолжающиеся развиваться на постсоветском пространстве интеграционные процессы между близкими по исторической памяти и национально-культурным ценностям государствами и народами — с другой, определяют актуальность вопроса об идеологической безопасности России, а также об идеологическом обеспечении названных интеграционных процессов. Политико-правовое учение евразийства обосновывает неизбежность общей судьбы народов, населяющих терри-

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда грантов Президента РФ для молодых российских ученых — кандидатов наук. Проект № МК-483.2020.6 «Евразийская альтернатива государственно-правового развития России: генезис, содержание, современное прочтение».

торию бывшей Российской империи и СССР, определяет основания для мирного сосуществования этих народов, а также их взаимодействия, с различных сторон и позиций. В настоящей статье исследуются политико-правовые взгляды поздних представителей евразийства — Л.Н. Гумилева и В.В. Кожина. Используется метод работы с первоисточниками, сравнительный метод, исторический метод, отчасти метод восхождения от конкретного к абстрактному. Делается вывод о том, что названные мыслители разрабатывают в своих трудах цивилизационный подход к истории, обществу, государству, а также определяют идеологические основания народного единства на территории России-Евразии. Стоит отметить, что, несмотря на обширную библиографию исследований евразийства в правовой науке, труды В.В. Кожина и Л.Н. Гумилева крайне редко затронуты вниманием ученых. Между тем Л.Н. Гумилев вывел цивилизационный подход на уровень научной теории этногенеза, подробно разработал понятие пассионарности, а В.В. Кожин является крупнейшим историком России XX в. и предлагает взвешенный и разумный подход к данному периоду развития нашей страны.

Ключевые слова: евразийство, идеологическая безопасность, пассионарность, этногенез, цивилизационный подход, культурная обусловленность, идентичность

EURASISM AS ONE OF THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF RUSSIA'S SECURITY IN THE XX AND XXI CENTURIES: POLITICAL AND LEGAL VIEWS L.N. GUMILYOV AND V.V. KOZHINOV

E.A. Kulikov

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: kulikoveg@yandex.ru*

The instability of the situation in the Eurasian space, renewed conflicts in the Transcaucasus, political events in Belarus and individual cities of Russia, on the one hand, and the ongoing integration processes in the post-Soviet space between states and peoples that are close in historical memory and national-cultural values, on the other, — determine the relevance of the issue of the ideological security of Russia, as well as the ideological support of these integration processes. The political and legal doctrine of Eurasianism substantiates the inevitability of the common fate of the peoples inhabiting the territory of the former Russian Empire and the USSR, determines the grounds for the peaceful coexistence of these peoples, as well as their interaction, from various sides and positions. This article examines the political and legal views of the later representatives of Eurasianism — L.N. Gumilyov and V.V. Kozhinov. The method of working with primary sources, the comparative method, the historical method, partly the method of ascent from the concrete to

the abstract is used. It is concluded that the named thinkers develop in their works a civilizational approach to history, society, the state, and also determine the ideological foundations of national unity on the territory of Russia-Eurasia. It should be noted that despite the extensive bibliography of studies of Eurasianism in legal science, the works of V.V. Kozhinov and L.N. Gumilyov are rarely touched upon by scientists. Meanwhile, L.N. Gumilev brought the civilizational approach to the level of the scientific theory of ethnogenesis, developed in detail the concept of passionarity, and V.V. Kozhinov is the largest Russian historian of the XX century and offers a balanced and reasonable approach to this period of development of our country.

Key words: *Eurasianism, ideological security, passionarity, ethnogenesis, civilizational approach, cultural conditioning, identity*

Введение

Взгляды представителей учения евразийства как в целом (Иванов, 2007), так и отдельных мыслителей (Борщ, 2015), довольно обстоятельно изучены в рамках истории политических и правовых учений. Однако до сих пор не изучены многие аспекты «классического» евразийства, тем более белым пятном практически остается «неоевразийство», которое на самом деле представляет собой не перерождение или модификацию евразийства, а продолжение и развитие его идей в несколько более поздний период, практически в наши дни. Не изучены, например, совершенно у юристов взгляды В.В. Кожинова, или Л.Н. Гумилева, лишь отчасти рассматриваются труды А.С. Панарина. Между тем именно эти мыслители высказывают идеи, что называется, «на злобу дня», которые легко можно воспринимать и интерпретировать ввиду их временной близости, речь идет практически об одном поколении (период 90-х гг. XX в. и 2000-х гг. — XXI в.). Сказанное обуславливает актуальность обращения к трудам названных учеников евразийства, в том числе в свете идеологической безопасности России в начале нового столетия.

Политико-правовое учение евразийства необходимо рассматривать на сегодняшний день с учетом двоякого рода обстоятельств. Во-первых, если вести речь о классическом евразийстве (Назмутдинов, 2017: 66–108), о трудах таких мыслителей, как Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Вернадский и Н.Н. Алексеев, то это явление истории политико-правовой мысли, занимавшее определенный отрезок ее развития в 1920–1930-х гг. и прекратившее в целом свое существование к началу Второй мировой войны. После же войны представители классического евразийства, ее пережившие, уже не составляли единого движения. Однако, во-вторых, классическое евразийство имело своих учеников и последователей, прежде всего в лице Л.Н. Гумилева, В.В. Кожинова, Ю.Н. Рериха, А.С. Панарина и некоторых других мыслителей второй половины XX в., некоторые из них дожили до начала 2000-х гг. Последователи «классического» евразийства развивают многие идеи своих учителей (как это будет показано в настоящем исследовании), а в некоторых вопросах идут гораздо дальше, поскольку рассматривают не только постреволюционную Советскую Россию, но и СССР послевоенных лет и даже позд-

несоветский период, время перестройки и крушения советской системы. В этой части евразийство уже нельзя трактовать исключительно как историческое явление, это вполне живое и действующее учение, во многом актуальное для современных российских реалий, в частности интеграционных процессов на постсоветском пространстве (Назмутдинов, 2017: 8).

Поскольку в лице учеников и последователей «классического» евразийства мы наблюдаем современное направление политико-правовой мысли, то в их трудах мы можем найти высказывания и мысли, имеющие отношение к идеологическим основаниям национальной безопасности России на современном этапе ее развития. Вот, например, А.С. Панарин в работе «Православная цивилизация в глобальном мире» пишет: «Вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом» (Панарин, 2014: 42). Исходя из этого любая политико-правовая доктрина, аргументирующая российскую самобытность, уникальность исторического пути России, выступает одним из оснований идеологического фундамента национальной безопасности. В этом смысле, а также в свете принятых в 2020 г. поправок (можно сказать даже, новой редакции) в Конституцию РФ особую важность приобретает вопрос восприятия, интерпретации и преподнесения истории России, в особенности истории XX в. Немалый вклад в адекватное восприятие этой истории, во взвешенное и уважительное ее понимание внесли ученики и последователи «классического» евразийства Л.Н. Гумилев и В.В. Кожинов, о которых речь пойдет далее. Нужно также упомянуть о еще одном выдающемся исследователе новейшей истории России — С.Г. Кара-Мурзе, который, не будучи евразийцем, так сказать, «официально», по многим вопросам высказывал созвучные, в частности с В.В. Кожиновым, идеи, всегда уважительно отзываясь об этом мыслителе. Учитывая весьма своеобразный характер работ С.Г. Кара-Мурзы, часть которых направлена как раз на обеспечение идеологической безопасности (Кара-Мурза, 2012: 216–254), можно с уверенностью сказать, что и труды В.В. Кожинова напрямую касаются этих вопросов. Евразийство второй половины XX — начала XXI в. и не могло, будучи глубоко патриотической в тесном смысле слова концепцией, не затрагивать вопросов национальной безопасности на уровне идеологии.

Евразийство Л.Н. Гумилева

Среди учеников «классического» евразийства есть очень примечательная фигура — Л.Н. Гумилев, исследователь кочевых народов Евразии, их взаимоотношений с Русью, истории России, этногенеза, развития этносов, автор термина «пассионарность» и др. Если среди историков, этнографов, географов и философов фигура Л.Н. Гумилева весьма заметна, то в правоведении, в его историко-юридическом сегменте она практически не исследовалась, как и В.В. Кожинов, А.С. Панарин, Ю.Н. Рерих и другие поздние евразийцы. Между тем, изучая труды мыслителя, можно обнаружить и политико-правовые мотивы, особенно в работах, попавших в недавно вышедший сборник «Все нам завещана Россия» (Гумилев, 2012: 137–170). Л.Н. Гумилев не мог не коснуться государственно-правовых вопросов устройства России:

«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» (Гумилев, 2012: 326). Именно такую фразу сказал в завершение одного из интервью в 1992 г. Л.Н. Гумилев. Необходимо согласиться с данным высказыванием. Третий путь, путь евразийский, тяготеющий к Востоку, и по сей день вызывает непонимание и пренебрежительное отношение у западников-либералов, и откровенное неприятие у неотрадиционалистов, неоконсерваторов, неославянофилов. К сожалению, аргументированное и исторически обоснованное, но при этом не вписывающееся в привычные рамки мировоззрение всегда пугает и инстинктивно отталкивает. Но только этот путь этнографического и культурного синтеза с уважением права каждой культуры на собственное развитие выступает альтернативой традиционным «западническому» и «почвенническому» направлениям политико-правовой мысли.

Цельной и обособленной от других трудов политико-правовой концепции мы у Л.Н. Гумилева не найдем, он и сам во многих своих выступлениях и интервью говорил не раз, что не является политиком и не может компетентно ответить на тот или иной политический вопрос. Но его теория этногенеза, изыскания по этнографии в целом вполне могут выступить важнейшим инструментом по выстраиванию государственно-правового регулирования межнациональных отношений, в особенности в России, где такая разнообразная этническая карта. В частности, она может стать основой для научного познания межнациональных отношений, определения основных направлений развития толерантности, противодействия идеологии экстремизма, сепаратистским настроениям, воспитания в духе супернационального всеединства, мирного сосуществования различных этносов на одной территории, взаимодействие и взаимопомощь которых имеет глубокие исторические корни.

Прежде всего, теория этногенеза, разработанная Л.Н. Гумилевым, обосновывает необходимость признания абсолютной самобытности каждого этноса, и вытекающего отсюда права на самостоятельное культурное развитие. Н.А. Бердяев говорил, что царство Кесаря заканчивается там, где начинается граница духовного мира человека (Бердяев, 2006: 54), Н.Н. Алексеев предостерегал от идеологического (даже под фасадом традиционной религии России) диктата (Алексеев, 2003: 85), Л.Н. Гумилев указывает на то, что крайне неправильно одному народу навязывать образ жизни, характерный для другого народа, и уж тем более нельзя сюда примешивать государство и право с их механизмами принуждения и угнетения. Россия потому и стояла несколько сотен лет как многонациональное государство практически без этнических конфликтов, что русский этнос не пытался русифицировать другие этносы, что не пытался их «просвещать».

Вторая важная мысль, красной нитью идущая через труды Л.Н. Гумилева, — это недопущение унижения какого-либо этноса по вымышленным или надуманным историческим фактам, недопущение обвинения и дискредитации этого этноса. Межэтнические конфликты будут всегда, главное, чтобы из этого не вытекала, говоря современным языком, «экстремистская программа», т.е. разжигание ненависти по отношению к тому или иному этносу. Вслед за классическими евразийцами

Л.Н. Гумилев утверждает, что у России всегда было много врагов, но она умела находить и друзей, оказывавших ей неоценимую помощь.

В-третьих, иногда — неявно, иногда — вполне открыто Л.Н. Гумилев выступает противником западничества. В работе «От Руси к России» (Гумилев, 2012), содержащей оригинальную философию истории, он постоянно акцентирует внимание на неудачах западнической партии, когда последняя приходила к власти, на откровенно игнорирующей национальные интересы политике такой партии, следствием чего являлось и неприятие такой политики народом. Первым западником выступал, по мнению Л.Н. Гумилева, Великий киевский князь Святополк Владимирович, брат Ярослава Мудрого, который прибегал к помощи поляков, его линию продолжал Изяслав Ярославович, и ни тот ни другой не пользовались популярностью в народе за «склонность к латинству», т.е. к католичеству. Отсюда следует вполне закономерный вывод: противодействие западничества и почвенничества носит в России исторически обусловленный характер и восходит еще ко времени Киевской Руси. Наряду с ними в тот период имелась еще и провизантийская партия, которая после окончательного поражения западничества в Киевской Руси заняла его место.

Четвертая характерная черта взглядов Л.Н. Гумилева наиболее очевидна — он является мыслителем евразийского направления, причем с акцентом на «азиатство», на исключительно восточный вектор и ориентиры правовой политики. Сам характер большинства его конкретно-исторических трудов говорит об этом: значительная их часть посвящена восточным народам — народам Великой степи и их взаимоотношениям с Русью. Надо сказать, что эта точка зрения находит понимание и среди современных правоведов. Так, Т.В. Кашанина, исследуя особенности возникновения российского государства, практически следует логике Л.Н. Гумилева, не считая, вслед за ним, что Московское государство выступало преемником Киевского, соглашаясь с его позицией о полной гибели государственности Киевской Руси, подчеркивает также значительное влияние на формировавшуюся Московскую Русь монгольского фактора (Кашанина, 2009).

В-пятых, Л.Н. Гумилев взвешенно относится к православию как идейной силе, выступавшей единственным связующим средством жителей распавшейся после увядания пассионарности Киевской Руси и ставшей новой объединяющей силой на стадии становления Руси Московской. Именно православие, а не этническая принадлежность, стало тем критерием, который отграничивал «своих» от «чужих» на стадии становления нового суперэтноса. Этим позиция Гумилева сближается и с позицией Н.Н. Алексева, который, поднимая и обосновывая концепт евразийского синтеза, активно опирается на христианское православное учение, особенно при построении своей философии права (Алексеев, 1999: 100–104). Развивая изображение становления новой Руси, Л.Н. Гумилев отмечает также, что православие в традиции исихазма (далеко не самой, конечно, положительной) выступило в роли ключевого фактора в становлении национального самосознания и стимулировало пассионарность.

Связано с теорией пассионарности и предлагаемое Л.Н. Гумилевым решение вопроса о том, почему же именно Москва стала объединительным центром новой

Руси-России. Наряду с религиозным фактором гибкая и терпимая политика московских князей, в частности Ивана Калиты, привлекала пассионариев из разных сопредельных государств. Благоприятная среда Московского княжества стала прибежищем для субъектов, пополнивших ряды «служилых людей», составивших основную опору князей этого княжества.

Этот анализ эволюции русского государства в двух его последовательных формах («суперэтносах») Л.Н. Гумилев осуществляет с помощью разработанной им теории пассионарности. «Пассионарность — это стремление действовать без всякой видимой цели или с целью иллюзорной. Иногда эта иллюзорная цель оказывается полезной, но чаще бесполезной, но пассионарий не может не действовать. Это касается не только одного человека, но группы людей» (Гумилев, 2010: 11). Получается, что пассионарность — это явление метафизического характера, имеющее, однако, вполне физические, осязаемые последствия. Об этом также свидетельствует пояснение Л.Н. Гумилева относительно такого выявленного им феномена, как «пассионарный толчок». «Собственно говоря, пассионарный толчок — это появление в определенном регионе какого-то количества пассионариев, то есть людей, стремящихся сделать больше, чем нужно для поддержания жизни своей и своего потомства. Причем им безразлично, принесет это пользу или вред. Они хотят действовать, то есть у них есть избыток энергии» (Гумилев, 2010: 16).

Думается, что концепция Л.Н. Гумилева имеет все основания считаться еще одним вариантом цивилизационного подхода к типологии государств и обществ по ряду вполне веских причин. Первая причина — опять же от противного: Л.Н. Гумилев во главу угла при типологии ставит не экономику, а ряд других факторов, как правило, культурологического содержания. Этнос — это не социальный феномен, по мнению мыслителя, а элемент биоорганического мира планеты (биосферы Земли), он представляет собой коллектив индивидов, противопоставляющих себя другим индивидам по принципу «мы — они». Причем критериями для этого противопоставления выступают различные факторы: общность языка, культуры, религии, государственной принадлежности и т.п. Вторая причина не менее важна: Л.Н. Гумилев выделяет в развитии любого этноса ряд фаз (шесть), старт которым дает пассионарный космический толчок: 1) фаза подъема, которая наступает после пассионарного толчка и характеризуется резким увеличением числа пассионариев, ростом всех видов деятельности, борьбой с соседями за место под солнцем; 2) акматическая фаза, когда пассионарное напряжение наивысшее, а пассионарии стремятся к максимальному самовыражению, пассионарии сталкиваются друг с другом, конфликты, обостряясь, выливаются в вооруженное противоборство, в результате чего происходит огромное рассеяние энергии и вместе с тем взаимное истребление пассионариев, ведущее к «выбросу» лишней пассионарности и восстановлению в обществе видимого равновесия; 3) фаза надлома, когда количество пассионариев резко сокращается при одновременном увеличении пассивной части населения (мещан — субпассионариев, это Л.Н. Гумилев очень наглядно показывает на примере периода так называемой феодальной раздробленности в Киевской Руси, и именно на этой стадии, по мнению Льва Гумилева, находилась Россия конца XX в.);

4) инерционная фаза, когда напряжение продолжает падать, но уже не скачками, а плавным образом, этнос в этот период пребывает в мирном развитии, происходит укрепление государственной власти и основных социальных институтов; 5) фаза обскурации, при которой пассионарное напряжение возвращается на первоначальный уровень, в этносе преобладают субпассионарии, постепенно разлагающие общество: узаконивается коррупция, распространяется преступность, армия теряет боеспособность; 6) мемориальная фаза, когда от бывшего величия остаются только воспоминания (Гумилев, 2010: 99–103).

Главное значение этой конструкции заключается в том, что она может объяснить, описать те процессы в государственной организации, которые происходят с тем или иным этносом. Объясняют они, например, почему так мало общего у государственного устройства исторически близких образований — Киевской Руси и Московской Руси-России. Применимы они и к другим этносам. Итак, подчеркнем альтернативный характер евразийской концепции Л.Н. Гумилева, в чем он является последователем своих учителей П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского, а если говорить шире — то и Н.Н. Алексеева и Н.С. Трубецкого. Евразийство — поворот лицом к своей собственной уникальной и неповторимой истории — поворот, подробно подкрепленный историко-географическими, этнографическими и культурными изысканиями, который может выступить серьезной альтернативой либерально-глобалистической модели миропереустройства. Евразийство не просто само по себе противостоит «атлантизму», оно описывает совершенно иной тип устройства, ориентированный не на морской фактор, не на водные, а на сухопутные пути сообщения, что подробно описывается, например, П.Н. Савицким (Савицкий, 2016: 166–193). И в этом смысле оно выступает реальной основой построения собственной национально-культурной идентичности России. Вклад Л.Н. Гумилева состоит в том, что он не просто опирается на цивилизационный подход, а подкрепляет его обстоятельным этнографическим материалом, а также создает полноценную теорию этногенеза. Изучение же этногенеза позволит снять многие межэтнические противоречия, приводящие к конфликтам, и развить атмосферу сотрудничества и взаимной терпимости.

Россия как цивилизация и культура в воззрениях В.В. Кожина

Л.Н. Гумилев в минимальной степени касается политических вопросов, обходит вниманием он и историю России XX в., высказываясь по поводу возможных проходимых ею фаз лишь отчасти в отдельных выступлениях. Между тем именно этот век следует считать переломным для истории России и ее современного развития. И именно новейшая история России в силу ее относительно недавнего характера крайне сложна для изучения и интерпретации. Трудно найти среди трудов историков России XX в. более взвешенного и сдержанного, но вместе с тем адекватного и объективного взгляда на революцию 1917 г. и советский строй, чем демонстрирует в фундаментальной работе «Россия. Век XX» ученик и последователь классического евразийства В.В. Кожин. Для его исследования, как и для работы С.Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация», характерно не просто описание исторических фактов того или иного периода, а имплементация автобиографических сведений, которыми автор подтверждает те или иные суждения.

Вот, например, как В.В. Кожин описывает 1930-е гг. (по сути своей — уникальная фиксация собственных личных наблюдений, поскольку он был очевидцем этих событий): «Многие противники той смены курса, которая свершалась с середины 1930-х, начиная с высланного из СССР Троцкого — не без оснований, квалифицировали ее как „контрреволюцию“ или „реставрацию“. И, скорее, осуществленное в 1935 году восстановление дореволюционных — „царских“ — воинских званий нельзя понять иначе. Вот, казалось бы, мелочь, но, если вдуматься, многозначительная. В том же 1935 году было официально утверждено „восстановление“ рождественских (хотя они назывались теперь „новогодними“) елок. Ясно помню, с каким восторгом я участвовал в наряжении елки сохраненными бабушкой дореволюционными украшениями — в том числе религиозного характера (правда, вернувшийся вечером с работы отец снял их с елки). С середины 1930-х годов было осуществлено немало вполне позитивных изменений в жизни страны — начиная от положения крестьян (в частности, „реабилитации“ большинства „кулаков“) и кончая восстановлением доброго имени великих исторических деятелей России (особенно далекого прошлого), которых ранее, в сущности, проклинали. С восхищением смотрел я вместе с преобладающим большинством населения страны появившиеся одна за другой киноэпопеи об Александре Невском, Минине и Пожарском, Петре I, Суворове...» (Кожин, 2011: 23). Здесь наглядно можно проследить, как опирается В.В. Кожин на евразийский методологический подход к отечественной истории — подход взвешенных оценок и разумных суждений, выявления многозначности и многослойности исторических процессов. Констатирует мыслитель и особенности хода русской революции, которая в 1930-е гг. сходит на нет, и в преддверии надвигающейся великой войны, и в целом, в силу естественно-исторических процессов. Описываемый В.В. Кожин поворот во внутренней политике СССР, проявившийся в том числе в таких, на первый взгляд, незначительных деталях, свидетельствует о том внимании, которое уделялось идеологической, духовной безопасности страны (наряду с военной — начиналось перевооружение РККА, обновление командного состава, устранение наиболее «отличившихся» в эпоху революционного террора и т.п.) в преддверии Второй мировой войны.

А вот не менее любопытное обобщение В.В. Кожина относительно «дворовой» жизни дома, где он вырос. «Во дворе жили очень разные люди: старый большевик-инвалид Ягунов, на его окне красной краской было написано „Интернационал“ и „СССР“, вдова царского генерала, железнодорожный машинист, носивший почетный значок, и известный всем как вор Витька Волков, побывавший в тюрьме. Тем не менее, все были свои. Большевик не обличал генеральшу, а вор крал в других дворах. И каждый готов был посылно помочь соседям. Словом, существовал определенный лад и уют общей жизни, что, без сомнения, благотворно влияло на детей. Ныне живущие в отдельных квартирах москвичи (и не только москвичи. — Е.К.) подчас почти ничего не знают даже о своих соседях по лестничной площадке. Я вовсе не имею намерения как-то идеализировать дворовой мир 1930-х годов; хотя бы тот факт, что жизнь шла на виду у всех, что не каждому было по душе — особенно людям с развитым личностным сознанием. И едва ли теперешние москви-

чи — в том числе и я сам! — пожелали бы вернуться в тот давний мир. Но все же была в нем своя безусловная ценность, и, помимо прочего, он имел связь с многовековой традицией российской общинности. Дети, выроставшие в „общине“ двора, легко и естественно вливались в школьный класс и, далее, в трудовой коллектив или армейское подразделение. Известно, что безобразное явление так называемой дедовщины в армии возникло сравнительно недавно; юноши, чья жизнь начиналась в дворовой „семье“, не могли творить нечто подобное» (Кожин, 2011: 24–25). Как видим, В.В. Кожин не только улавливает сохранявшиеся в постреволюционный период общинные начала даже в городской жизни, но и находит в них определенную значимость и ценность. Надо сказать, что кардинально облик Советской России по сравнению с Россией дореволюционной стал меняться только после Великой Отечественной войны, когда она превратилась в действительно урбанизированную западную цивилизацию. Насколько традиционный характер довоенного общества укреплял его монолитность, и можно было действительно говорить о пресловутых «духовных скрепах», настолько разъединяет людей городская, урбанистская культура. Кстати, этот момент очень ярко показал писатель Э.М. Ремарк в романе «Тени в раю», описывая впечатления главного героя от Нью-Йорка, когда впервые он его увидел в 1944 г. с высоты пятнадцатого этажа. «Я прислушался к незатихающему уличному шуму и следил за длинным рядом светофоров на Второй авеню, свет в которых автоматически переключался с зеленого на красный, а потом снова на зеленый. В регулярности этого переключения было что-то успокаивающее и вместе с тем бесчеловечное; казалось, этим городом управляют роботы. Впрочем, мысль о роботах меня не пугала» (Ремарк, 2015: 301–302). И в первом, и во втором высказывании показан двоякий характер городской культуры: она и успокаивает, и отдает бесчеловечностью, механизмом.

Показательно также для взглядов В.В. Кожина высказывание по поводу Ивана Грозного. «Сокрушительные проклятия по адресу Ивана Грозного начались при его жизни и продолжают до нашего времени. И их невозможно и ни в коем случае не следует прекращать — иначе мы перестанем быть русскими. Но вместе с тем необходимо все же глубоко и основательно понять, что дело вовсе не в некоей исключительности, некоем „превосходстве“ русского зла над мировым злом, а, если угодно, в исключительности русского отношения к своему, русскому злу... Нам следует в конечном счете не сгорать от стыда за то, что у нас был Иван Грозный (ибо он далеко „отстал“ в сеянии зла от своих испанских, французских, английских современников), а с полным правом гордиться тем, что мы, русские, вот уже четыреста с лишним лет никак не можем примириться со злом этого своего царя...» (Кожин, 2011: 95). Стоит сказать, что ранее созвучные по концептуальному смыслу (о завышенных требованиях к собственной истории, собственным действиям и своим правителям) уже высказывались и Н.Я. Данилевским (Данилевский, 2011: 32–69), и Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» (Достоевский, 2007: 304–319).

Обратимся к евразийским взглядам В.В. Кожина. «Россия, подобно Византии, сложилась и как евразийское, и как идеократическое государство. В евразийстве Руси-России нередко видят следствие ее долгого пребывания в составе Монголь-

ской империи. Однако в действительности эта пора была закреплением и углублением уже давно присущего Руси качества... в становлении государственности Руси, согласно летописи, вместе со славянами равноправно участвуют „уральские“ (финно-угорские) племена... Да, еще задолго до монгольского нашествия существует и постоянно возрастает „азиатский компонент“ русской истории. Это, в частности, ясно выразилось в династических браках, имевших прямое и непосредственное государственное значение... Правда, глубокий смысл заключен не в самих по себе подобных брачных союзах; они — только одно из наглядных проявлений русского „евразийства“. Примитивно и в конечном счете просто ложно представление, согласно которому это евразийство толкуется прежде всего и главным образом как взаимодействие русского и, скажем, тюркских народов. Если сказать о сути дела со всей определенностью, русские — эти наследники византийских греков — как бы изначально, по самому своему определению были евразийским народом, способным вступить в органические взаимоотношения и с европейскими, и с азиатскими этносами, которые, — если они действительно включались в магнитное поле Руси-России — и сами обретали евразийские черты. Между тем, в случае их выхода из этого поля они опять должны были в конечном счете стать „чисто“ европейскими или „чисто“ азиатскими народами, русские же не могут не быть народом именно евразийским» (Кожин, 2011: 118). Здесь масса идей, созвучных и с приведенными выше суждениями Л.Н. Гумилева, и со взглядами Н.С. Трубецкого (Трубецкой, 2012: 83–88), демонстрирует и В.В. Кожин в целом характерный для евразийства подход к русской истории.

Далее В.В. Кожин переходит к обстоятельному изучению русской революции 1917 г. с евразийской точки зрения. Нас в рамках настоящего исследования интересует не столько сама характеристика революции, сколько выдвигаемые мыслителем познавательные установки, показывающие методологию исторического познания евразийства на контрасте с другими политико-правовыми доктринами. «Необходимо четко осознать принципиальное различие между задачами, встающими перед нами в отношении современности, настоящего, сегодняшней ситуации в политике, экономике и т.д., и, с другой стороны, теми целями, которые встают при нашем обращении к более или менее отдаленному прошлому, к тому, что уже стало историей. Когда мы имеем дело с современностью, у нас есть возможность (разумеется, именно и только возможность, далеко не всегда осуществляемая) оказать реальное воздействие на ход событий, конечный результат которых пока неизвестен и может оказаться различным. Поэтому, в частности, вполне понятны и уместны наша поддержка той или иной политической силы, представляющейся нам наиболее „позитивной“ и способной победить в развертывающейся сегодня борьбе, а также наше стремление воспринимать действительность с точки зрения этой силы. Однако в прошлом (что вполне понятно) уже ничего нельзя изменить, результат развертывавшейся в нем борьбы известен, и любая попытка ставить вопрос о том, что результат-де мог быть иным, в конечном счете вредит пониманию реального хода истории: мы неизбежно начинаем размышлять не столько о том, что, по нашему мнению, могло совершиться, и „возможность“ в той или иной мере

заслоняет от нас историческую действительность. Это, к сожалению, типично для нынешних сочинений о революции» (Кожин, 2011: 144–145). Данная цитата показывает ранее уже называвшуюся методологическую установку В.В. Кожина на взвешенное, непредвзятое и объективное восприятие истории, на уважительное к ней отношение, а также на освещение исторических процессов безотносительно позиции какой-либо политической силы или движения. История как собрание фактов, а не оценок — главный принцип евразийского понимания в трудах В.В. Кожина. Именно этим принципом руководствуется мыслитель, характеризуя, например, феномен «черносотенных» организаций.

Другое интересное соображение В.В. Кожина, касающееся русской революции 1917 г., созвучно рассуждениям представителя классического евразийства правоведа Н.Н. Алексева в работе «Русский народ и государство». «Словом, российские масоны представляли себе осуществляемый ими переворот как нечто вполне подобное революциям во Франции или Англии, но при этом забывали о поистине уникальной русской свободе — „свободе духа и быта“, о которой постоянно размышлял, в частности, „философ свободы“ Н.А. Бердяев (Бердяев, 2010: 86–87). В западноевропейских странах даже самая высокая степень свободы в политической и экономической деятельности не может привести к роковым разрушительным последствиям, ибо большинство населения ни под каким видом не выйдут за установленные „пределы“ свободы, всегда будут „играть по правилам“. Между тем в России безусловная, ничем не ограниченная свобода сознания и поведения — то есть, говоря точнее, уже, в сущности, не свобода (которая подразумевает определенные границы, рамки „закона“), а собственно российская воля вырывалась на простор чуть ли не при каждом существенном ослаблении государственной власти и порождала неведомые Западу безудержные русские „вольницы“ — болотниковщину (в пору Смутного времени), разинщину, пугачевщину, махновщину, антоновщину и т.п.» (Кожин, 2011: 298–299). Приведем для сравнения высказывание Н.Н. Алексева о русской революции 1917 г. «Что произошло на самом деле в 1917 году? Возобладала: 1) идея вольницы; 2) идея диктатуры; 3) идея социального устройства на началах коммунизма. Возобладало то, что содержалось в идеологии казачества, в идеологии Пересветова, царя Ивана и опричнины, в идеологии сектантского земного рая, построенного на началах рационалистических» (Алексеев, 2003: 114). Евразийство, таким образом, как в классическом варианте, так и в варианте В.В. Кожина вскрывает глубинные, подлинно народные процессы, протекавшие в ходе революции 1917 г., а также указывает на ошибки и недочеты, которые в конце концов привели к этой революции и к разгулу стихии народного бунта, «бессмысленного и беспощадного». Характерно, что никогда не воспринимавшийся в качестве представителя евразийства С.Г. Кара-Мурза высказывает подобные идеи: «В сущности, крестьяне России (особенно в шинелях) потому и поддержали большевиков, что в них единственных была искра власти „не от мира сего“ — власти без родственников, власти страшной и реальной» (Кара-Мурза, 2011: 125).

Наконец, интересно резюме В.В. Кожина по итогам исследования революции 1917 г., на сто процентов носящее евразийский характер и в полном объеме

согласующееся с идеями Н.С. Трубецкого и Н.Н. Алексеева. Он указывает на то, что «государство в России на протяжении веков имело идеократический характер, то есть власть основывалась не на системе законов, как на Западе, а на определенной системе идей; ко времени Революции властвующая идея так или иначе выражалась в известной формуле „православие, самодержавие, народность“, которая еще сохраняла свое значение для людей, отправлявшихся в 1914 году на фронт; но Февральский переворот „отделил“ Церковь от государства, уничтожил самодержавие и выдвинул в качестве образца западноевропейские (а не российские) формы общественного бытия, где властвует не идея, а закон; и победа Октября над Временным правительством и над возглавляемой „людьми Февраля“ Белой армией была неизбежна, в частности, потому, что большевики создавали именно идеократическую государственность, и это в конечном счете соответствовало тысячелетнему историческому пути России» (Кожин, 2011: 381–382). Получается, если следовать гегелевской триаде «тезис — антитезис — синтез», то дореволюционная имперская государственность выступала тезисом, некоей закономерной данностью тысячелетней истории России, Февральская революция, отрицая эту историю, стала антитезисом, а Октябрьская революция, своего рода «иммунный» ответ народа на Февраль — синтезом, отрицающим Февральскую революцию.

Приведем в плане сравнения оценку такого соотношения Н.Н. Алексеевым. «Большевизм привился не потому, что в нем открыта была новая, марксистская правда, но главным образом вследствие старой правды, в большевизме ощущаемой» (Алексеев, 2003: 115). Действительно, если бы большевизм и идущий за ним советский строй не был адекватен чаяниям и народно-государственным идеалам широких слоев населения, то он никогда бы не устоял в пучине Гражданской войны и уж точно в ней бы не выиграл. Что же касается советского строя, то, по мнению Н.Н. Алексеева, «сила его обнаружилась главным образом в том, что он на место непосредственной казацкой демократии поставил своеобразно построенное народное государство, опирающееся на сочетание диктатуры с народным представительством» (Алексеев, 2003: 115). Это и есть тот самый синтез «старых» и «новых» начал, дальнейшую эволюцию которого В.В. Кожин показывает в автобиографических заметках, о которых мы говорили в самом начале.

В статье «О „евразийской“ концепции русского пути» В.В. Кожин высказывает ряд интересных замечаний, которые позволяют завершить общую картину обзора евразийских взглядов мыслителя. «Евразийское понимание пути России подвергалось (и подвергается) критике и с западной, и со славянофильской точек зрения, ибо, несмотря на все их различия, их равно не устраивает идея необходимости, неотъемлемости „азиатского компонента“ в бытии России. В глазах западников все „азиатское“ особенно мешает России стать страной западного типа (что для них является бесспорным и конечным „идеалом“), а для славянофилов „азиатство“ означает искажение или вообще утрату самобытной славянской сущности русского народа» (Кожин, 2012: 204).

«Не исключено, что провозглашение русских единственным „истинно евразийским“ народом кто-либо квалифицирует как националистическую претен-

зию. Однако евразийское существо русских обусловило не только те или иные их „достоинства“, но и — равным образом — „недостатки“, в частности, очевидную „неопределенность“, аморфность и разного рода „комплексы неполноценности“, которые, между прочим, выразились как в русском западничестве, так и в славянофильстве. Постоянные и горячие, подчас приобретают надрывный, почти истерический характер споры о том, „кто такие русские“, не свойственные иным народам (ни англичане, ни японцы, ни армяне, ни узбеки и т.д. нисколько не сомневаются в своей национальной идентичности), говорят сами за себя» (Кожин, 2012: 206). Таким образом, В.В. Кожин подчеркивает адекватность евразийства, его способность к самокритике, способность увидеть не только достоинства и преимущества, но и изъяны и недостатки, и в конце концов делает вывод, с которым трудно не согласиться. «„Превосходство“ евразийской концепции проявляется уже в том, что она не зиждется на „оценочности“ и не ставит истории России „неуды“, а в то же время не превозносит ее ни над Европой, ни над Азией, видя в России-Евразии не нечто „лучшее“ (или „худшее“), но другое» (Кожин, 2012: 209). Это из разряда «лучше и не скажешь», а надо сказать, что и сам В.В. Кожин придерживается именно этих позиций, исследуя историю России XX в.

Выводы

Подводя итог, отметим, что ученики и наследники классического евразийства Л.Н. Гумилев и В.В. Кожин достойно продолжили заложенную их учителями концепцию, каждый своим путем и каждый в своей сфере, придав евразийской теории во многом полностью научно обоснованный характер. Это свидетельствует о жизнеспособности евразийства и возможности учета его достижений при формулировании современной политико-правовой концепции государственно-правового развития России. Л.Н. Гумилев подробно разрабатывает цивилизационный подход к типологии государств и обществ, подводит под него научную этнографическую основу и в то же время для объяснения своей теории этногенеза использует метафизическое понятие пассионарности. В конечном счете ключевая идея не только использованных в настоящей работе, но и других трудов — в уникальности и неповторимости каждого этноса, что исключает всякое превосходство и определяет необходимость взаимодействия и сотрудничества этносов на евразийском пространстве. Повторим уже ранее высказанное суждение Л.Н. Гумилева: Россия может спастись только как евразийская держава и через евразийство, т.е. Россия обречена в силу своей собственной истории на евразийство.

В.В. Кожин подходит к проблеме евразийского пространства также с позиций цивилизационного подхода, но основанного уже не на этнографической, а на духовно-культурологической стороне, и приходит к аналогичным Л.Н. Гумилеву выводам. Он рассматривает уникальный характер России как цивилизации и культуры, выделяет в ней евразийские черты, их влияние на развитие революции 1917 г., а также в целом на историю России XX в. При этом каждое событие, будь то сама революция, черносотенное движение, личность и деятельность И.В. Сталина, освещается как исторический факт, при взвешенном и бережном отношении, мыс-

литель избегает разного рода негативных оценок и обосновывает, почему историю именно так необходимо воспринимать.

Восприятие и интерпретация истории — важная составляющая воспитания молодого поколения, что есть основа национальной безопасности и успешного социального и государственного развития. В трудах Л.Н. Гумилева и В.В. Кожинова представлен евразийский взгляд на историю России как на самоценность, т.е. как на состоявшиеся события, которые мы можем только изложить, описать, но не должны оценивать, поскольку они уже состоялись. Чем бережнее и взвешеннее будет наше отношение к собственной истории, тем большего уважения мы будем заслуживать со стороны других государств и тем более монолитное и цельное общество получим в итоге.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999.

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003.

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ, 2010.

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ, 2006.

Борщ И.В. Николай Алексеев как философ права. М.: Юрлитинформ, 2015.

Гумилев Л.Н. Всем нам завещана Россия. М.: Айрис-пресс, 2012.

Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2010.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Эксмо, 2012.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, Благоговение, 2011.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2007.

Иванов А.В. О вечных устоях в последние времена: Философско-публицистические этюды. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010.

Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: Монография. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007.

Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть вторая. Курс лекций. М.: Научный эксперт, 2012.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Эксмо 2011.

Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Юрайт, 2009.

Кожин В.В. Россия. Век XX. М.: Эксмо, 2011.

Кожин В.В. Россия как цивилизация и культура. М.: Институт русской цивилизации, 2012.

Назмутдинов Б.В. Законы из-за границы: Политико-правовые аспекты классического евразийства. М.: Норма, 2017.

Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Ремарк Э.М. Тени в раю. М.: АСТ, 2015.

Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок). В кн: Исход к Востоку. Философия Евразийства. М.: Добросвет, 2016. С. 166–193.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М.: Эксмо, 2012.

REFERENCES

Alekseev, N.N. (1999). *Osnovy filosofii prava* [Foundations of the philosophy of law]. St. Petersburg: Lanʼ.

Alekseev, N.N. (2003). *Russkij narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf.

Berdyaev, N.A. (2010). *O rabstve i svobode cheloveka* [About slavery and human freedom]. Moscow: AST.

Berdyaev, N.A. (2006). *Carstvo Duha i carstvo Kesarya. Ekzistencial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar. Existential dialectic of the divine and the human]. Moscow: AST.

Borshch, I.V. (2015). *Nikolaj Alekseev kak filosof prava* [Nikolay Alekseev as a philosopher of law]. Moscow: Yurlitinform.

Gumilev, L.N. (2012). *Vsem nam zaveshchana Rossiya* [Russia bequeathed to all of us]. Moscow: Ajris-press.

Gumilev, L.N. (2010). *Konec i vnov' nachalo* [End and start again] Moscow: AST.

Gumilev, L.N. (2012). *Ot Rusi k Rossii* [From Russia to Russia]. Moscow: Jeksmo.

Danilevskij, N.Ya. (2011). *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Institut russoj civilizacii, Blagoslovenie.

Dostoevskij, F.M. (2007). *Dnevnik pisatelya: Kniga ocherkov* [A Writer's Diary: A Book of Essays]. Moscow: Eksmo.

Ivanov, A.V. (2007). *Evraziystvo: klyuchevye idei, cennosti, politicheskie prioritety* [Eurasianism: key ideas, values, political priorities]. Barnaul: Izd-vo AGAU.

Ivanov, A.V. (2010). *O vechnyh ustoyah v poslednie vremena (filosofsko-publicisticheskie etyudy)* [About the eternal foundations in recent times (philosophical and journalistic studies)]. Barnaul: Izd-vo AGAU.

Kara-Murza, S.G. (2012). *Krizisnoe obshchestvovedenie. Chast' vtoraya. Kurs lekcij*. [Crisis social science. Part two. Lecture course]. Moscow: Nauchnyj ekspert.

Kara-Murza, S.G. (2011). *Sovetskaya civilizaciya* [Soviet civilization]. Moscow: Eksmo.

